

**ПРОЕКТ
НЕФТЕГАЗСТРОЙПРОФСОЮЗА РОССИИ
«ЭНЕРГИЯ ЖИЗНИ»**

**ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ**

Мы продолжаем наш проект «Энергия жизни», посвященный уникальным нефтегазовым территориям России, но в большей степени — людям, которые создают главные богатства нашей страны. На этот раз мы отправились в Ямало-Ненецкий автономный округ, в Надым — базовый город для одного из крупнейших дочерних предприятий Газпрома — ООО «Газпром добыча Надым».

Душа Севера

Ямало-Ненецкий автономный округ — один из ведущих мировых поставщиков углеводородного сырья. Ресурсы региона оцениваются примерно в 125 трлн куб. м природного газа и 23 млрд т жидких углеводородов. За время освоения месторождений Ямало-Ненецкого округа, по подсчетам специалистов, добыто лишь около 11% разведанных запасов.

ООО «Газпром добыча Надым» — первое газодобывающее предприятие на севере Западной Сибири, 100-процентная «дочка» ПАО «Газпром». Основные направления деятельности — добыча и подготовка газа и газового конденсата. Основано 1 декабря 1971 года для разработки и эксплуатации нефтегазоконденсатного месторождения Медвежье. Сегодня также ведет добычу на Юбилейном, Ямсовейском и Бованенковском месторождениях. Компания владеет лицензией на разработку Харасавэйского газоконденсатного

месторождения, где в ближайшее время планируется начать работы по обустройству.

Территория деятельности: Надымский, Пуловский, Ямальский районы Ямало-Ненецкого автономного округа. Градообразующее предприятие для города Надыма и поселка городского типа Пангоды. В состав предприятия входит 12 действующих газовых промыслов, 15 специализированных филиалов. Ежегодный объем добычи природного газа — свыше 100 млрд куб. м. Коллектив — более 9,8 тыс. сотрудников.

У всех существуют стереотипы. Ямало-Ненецкий автономный округ ассоциируется с Крайним Севером, труднодоступностью, суровым климатом, полярной ночью и полярным днем, северным сиянием, оленями и крупнейшими месторождениями газа. Еще ни одна поездка не разрушала мои стереотипы и не расширяла представления столь основательно.

Сергей Меньшиков: «Никто в мире не добывает газ в таких широтах, где это делаем мы»

В 2013 году Президент России Владимир Путин утвердил Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации, была принята федеральная программа социально-экономического развития этого макрорегиона до 2020 года. В августе 2017 года была утверждена новая редакция госпрограммы. Теперь она называется «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации». Срок реализации продлен до 2025 года. Она направлена на создание условий для ускоренного социально-экономического развития Арктической зоны, достижение стратегических интересов и обеспечение национальной безопасности России в Арктике.

Работа ведется по нескольким направлениям: формирование в арктических регионах точек экономического роста — опорных зон, повышение качества жизни и защищенности населения. Вторая задача — дальнейшее развитие Северного морского пути в качестве национальной транспортной магистрали России в Арктике. Еще одно направление — освоение континентального шельфа с помощью современной техники и технологий.

Все это подчеркивает стратегическую важность освоения Арктики для всей России. А Ямал — один из основных векторов развития, новый регион газодобычи. Об этом мы говорим с генеральным директором ООО «Газпром добыча Надым» Сергеем Николаевичем Меньшиковым.

— **Сергей Николаевич, расскажите о ближайших планах ООО «Газпром добыча Надым».**

СПРАВКА

Сергей Николаевич Меньшиков —

с октября 2008 года — генеральный директор ООО «Газпром добыча Надым».

Родился в 1968 году в Грозном, Чечено-Ингушская АССР. Окончил Грозненский нефтяной институт по специальности «Машины и оборудование нефтяных и газовых промыслов», Российский государственный университет нефти и газа имени И. М. Губкина по образовательной программе «Нефтегазовое производство» с присуждением дополнительной квалификации «Менеджер нефтегазового предприятия», кандидат экономических наук.

— Мы эксплуатируем Бованенково с 2012 года, в этом году запускаем последний из предусмотренных проектом газовый промысел (ГП-3), благодаря чему с 2022 года будем добывать 115 млрд куб. м газа только с Бованенково. В перспективе, с разработкой других пластов, — уже до 140 млрд куб. м.

Важность Бованенково подчеркивает тот факт, что Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин три раза в режиме телемоста участвовал в торжественных мероприятиях по вводу в эксплуатацию объектов этого месторождения: когда запускали ГП-2 (2012 год), ГП-1 (2014 год) и новые добычные мощности с магистральным газопроводом «Бованенково — Ухта-2» (2017 год).

В Газпроме мы вторые по объемам добычи газа. «Газпром добыча Ямбург» — первые, «Газпром добыча Уренгой» — третьи.

— «Газпром добыча Ямбург» обгоните?

— В ближайшие лет десять — нет, да и цели такой не стоит — у них свои задачи. «Газпром добыча Надым» является прародителем для всех северных «дочек» «Газпрома» именно в добыче газа. Мы — первое газодобывающее предприятие на севере Западной Сибири. Надым был образован для разработки месторождения Медвежье — это уникальное месторождение. С 1971 года на нем ведется добыча — 47 лет! У нас получился бережный режим эксплуатации. Это позволяет месторождению до сих пор жить. Разработка будет вестись до 2030 года. И это только по действующему проекту.

Подтверждая статус первопроходцев, мы первыми вышли на полуостров Ямал, когда началась активная стадия обустройства Бованенково.

— А сколько до этого было попыток добывать газ на Ямале?

— В конце 60-х годов Ямал начали изучать геологи. Здесь очень сложные грунты: замерзшая вода с песком. За счет того, что газ теплый, когда он поднимается по трубе — грунт вокруг начинает оттаивать. Первые разведочные скважины, которые бурили геологи, уходили, просто тонули. Тем не менее в конце 1960-х — в 1970-е годы были открыты основные месторождения полуострова. Но к их промышленной разработке подступить не получилось.

В 1980-е годы была вторая попытка выхода на Ямал. Тогда начали появляться методы стабилизации грунтов, но свою роль сыграла экономическая составляющая — распад СССР.

Был такой советский фильм 1987 года «Единожды солгав». Там есть эпизод: главный герой режет колбасу на кухне, работает радио, и звучит фраза: «Грузы на Харасавэй начинают завозиться раньше намеченного срока, и через год планируется запуск месторождения в эксплуатацию». Тогда рассматривалось, что Харасавэй будет первым ме-

сторождением — оно расположено на берегу Карского моря, а по суше на Ямал подобраться было нельзя.

Мы добрались в такие широты, где в принципе никогда ничего человек не добывал. Норвежский газ, английский газ, канадский газ, который добывается, Северное море, платформы — все это южнее, чем Бованенково, если посмотреть по карте.

Повторюсь, грунт на Ямале — это замороженный в лед песок: 20% песка и 80% льда. Вездеход, который проезжает по тундре, оставляет след от гусеницы. След оттаивает, появляются лунки, вода от солнца нагревается, начинает таять — возникает эрозия почвы, получается целый овраг.

Сейчас вездеходами по тундре запрещено ездить. Сначала идет отсыпка земли, потом по ней продвигается разработка. Любая отсыпка земли — это песок, дорнит — слоеный пирог. Все дороги подняты над тундрой — это все насыпное. А песок — намывной. Его добывают со дна озер.

Практически весь Ямал — инновации. Раньше было проектное расстояние между скважинами 25 м, а мы сделали 15, совместив новые технологии термостабилизации грунтов, теплоизоляции скважин и современные комплексы подземного оборудования.

С Ямалом связаны основные перспективы и надежды «Газпрома» и России в целом: тут находятся новые крупные месторождения. Бованенково начало осваиваться первым, как самое большое — почти 5 трлн куб. м. В 2010 году к нему протянули железную дорогу, в 2012-м был построен аэропорт. Месторождение базовое для всего полуострова Ямал, по крайней мере, с точки зрения «Газпрома». От него будем осваивать остальные.

— Какие месторождения будут осваиваться следующими?

— На очереди Харасавэй, после Харасавэя — Крузенштерн. Третий Харасавэйский месторождения находится

в море, две третьих — на суше, а у Крузенштернского — две трети в море, одна треть — на суше. В Харасавэе все будет с земли, за счет наклонно-горизонтальных скважин, а по Крузенштерну, скорее всего, будут какие-то сооружения строиться, в том числе и на шельфе, чтобы забирать газ равномерно.

Все твердое, что на Ямале есть, завезено с Большой земли. Кроме песчаных пылинок, на полуострове ничего твердого нет. Когда не было железной дороги и аэропорта, все возилось морем до порта Харасавэй и далее по зимнику. Такая логистика очень требовательна к планированию. Если в короткую летнюю навигацию что-то не завезли морем, то остаются только вертолеты. Железная дорога удешевила транспортные расходы на порядок.

— Как вы поддерживаете традиционный уклад коренных народов Севера?

— Мы помогаем на всех уровнях. Во-первых, мы говорим, что промышленное освоение полуострова не препятствует традиционному хозяйству. Через Бованенково построены специальные оленьи переходы, благодаря чему кочевники не изменили привычные маршруты передвижения по полуострову. Очень тщательно работаем по вопросам экологии. Ягель на Бованенково чистый, и олени его с удовольствием едят. Воду из озер на месторождении спокойно можно пить. Что и делают оленеводы во время переходов.

Помогаем в организации традиционных национальных праздников. В Надыме, обычно в начале марта, проводится День оленевода — это самобытно, зрелищно. Ставятся гостевые чумы, можно покататься на оленях. Детвора в восторге, идет торговля национальными украшениями, одеждой и сувенирами, рыбой, олениной. Проводятся традиционные спортивные соревнования: прыжки через нарты, национальная борьба, гонки на оленьих упряжках, метание тынзяна на хорей (тынзян — это аркан, хорей — это шест, которым погоняют оленя).

Первые соревнования по национальным видам спорта прошли в Надыме именно по инициативе нашей компании в середине 90-х годов прошлого века. А сейчас этот праздник имеет уже статус регионального.

Для ненцев в промышленном освоении больше плюсов, чем минусов, я уверен. И речь не только о каких-то компенсациях, подарках и прочем. Если рассматривать глобально, то каждое месторождение — это очаг цивилизации. Это точка сбыта продукции. Это магазины. Это

медицина. На Бованенково мы бесплатно оказываем экстренную медицинскую помощь всем обратившимся оленеводам и рыбакам. Вплоть до услуг стоматолога. Статистика неумолимо опровергает тех, кто говорит о вреде промышленности для коренного населения. Численность и продолжительность жизни ненцев растет. А поголовье оленей увеличилось настолько, что им уже тесно на полуострове. Ямало-Ненецкий автономный округ — это 500 тыс. жителей и 700 тыс. оленей. Округ славится тем, что тут добывается 95% российского газа. Но в ЯНАО и самое большое в мире поголовье оленей. Нигде такого поголовья в естественной среде обитания нет.

— Как появились оленьи переходы на Бованенково?

— Задолго до того, как мы пришли на Бованенково, по этой земле ходили олени. Два раза в год. Летом они бегут от мошки на север, там ее меньше. Зимой возвращаются — кормовая база вся на юге, мошки уже нет. И олени ходят так веками, как птицы перелетные: им не надо рассказывать и показывать, куда идти.

Через Бованенково проходит маршрут каслания двух оленеводческих бригад. Чтобы не нарушать эти маршруты, мы построили специальные переходы. Труба в местах пересечения с маршрутами либо убирается под землю, либо, наоборот, поднимается над землей повыше, чтобы не создавать препятствий. Откосы дорог в этих местах делаем пологими. Олень — равнинное животное и не может взбираться по крутым склонам. Через дорогу расстилаем дорнит, чтобы полозья нарт скользили. Полностью прекращаем автомобильное движение по дорогам в моменты переходов. Очень серьезно относимся к этому вопросу. Наша практика взаимодействия с кочевниками в этом вопросе уникальна.

— Какими качествами нужно обладать, чтобы жить на Севере?

— Нужно иметь своего рода авантюризм, решительность, чтобы взять, бросить все и переехать. Раньше было важно выживать, быть приспособленным к трудностям, сейчас условия намного комфортнее. Например, до начала 2000-х годов на машине до Уренгоя ехали сутки, брали с собой бревна — дорога была песчаная, где-то их подкладывали, где-то на тягачах выбирались. Теперь это 230 км по сравнительно хорошей дороге. И так во многом — вовсе не обязательно быть героем.

Бованенково: форпост освоения Ямала

Приземлившись в аэропорту Надыма и не заезжая в город, мы летим дальше, на Бованенково — одно из самых известных месторождений России. Если смотреть на Ямал с высоты, из самолета, поражает большое количество воды: причудливо извивающиеся реки, речушки, «глаза» маленьких и огромных озер, впечатляет вид сверху на Обскую губу и Карское море на горизонте. Когда приглядываешься, оказывается, что в низинах до сих пор лежит снег.

Кажется, это палитра, на которой неведомый художник перемешал оттенки зеленого, коричневого и голубого. Поражают плавные и перетекающие линии, нет резких краев, перепадов. Единственные ровные геометрические линии — творения рук человеческих: газопроводы, дороги, мосты. Возникает ощущение инопланетности: будто это не Земля, а какой-то иной мир. И в какой-то степени это ощущение потом подтвердится.

Из Надыма до Бованенково и обратно курсируют самолеты «Газпром авиа». Они перевозят людей, которые работают на месторождении вахтовым методом (продолжительность вахты — один месяц), и транспортируют грузы. Кроме того, есть вертолеты. Аэропорт был открыт в 2012 году, незадолго до запуска месторождения. «Сухой Суперджет 100» долетает до Бованенково за час. Самолет практически полный — преимущественно молодежь, которая весело галдит, обменивается шутками: сразу видно, что летят после месяца отдыха.

Аэропорт находится совсем рядом с ВЖК — вахтовым жилым комплексом, куда мы сначала и направляемся. Тут расположены административные здания, общежития, гостиница, столовая, медсанчасть, храм, спортзал и прочие объекты инфраструктуры, которые необходимы для жизни вахтовиков и персонала. Пока мы едем, с удивлением разглядываю пейзаж: абсолютно ровную тундру с небольшими островками маленьких кустов высотой не больше полуметра. Интересно, что это за кусты. «Это не кусты, — с обидой отвечают мне, — это деревья, просто они маленькие». Потом, при ближайшем рассмотрении, выяснилось, что это карликовые ивы, которые выглядят как композиции бонсай — на взгляд человека из средней полосы России, совершенно экзотично.

Примечательная особенность: все, что здесь построено, от зданий до мачт ЛЭП, стоит на сваях. Приходится делать над собой усилие и вспоминать про вечную

мерзлоту и о том, что мы находимся далеко за Полярным кругом. Тепло и зелень обманчивы: лед совсем не глубоко. Именно особенности почв — одна из причин, по которым Ямал начал активно осваиваться уже в наше время, когда были придуманы соответствующие технологии, хотя геологи давно доказали наличие огромных запасов углеводородов.

По словам Председателя Правления ПАО «Газпром» Алексея Миллера, Бованенково — беспрецедентный проект в истории мировой газовой промышленности. Когда видишь месторождение собственными глазами, этому безусловно веришь. Все, что построено на месторождении, сделано с нуля и завезено с Большой земли.

Бованенковское нефтегазоконденсатное месторождение (БНГКМ) расположено на северо-западе полуострова Ямал — это самое крупное по разведанным запасам месторождение на Ямале. Оно было открыто в 1971 году и названо в честь начальника треста «Ямалнефтегазразведка» Вадима Бованенко. К Бованенковской группе, помимо БНГКМ, принадлежат также Харасавэйское и Крузенштернское месторождения. Сегодня суммарные запасы этой группы — более 7 трлн куб. м газа.

В октябре 2012 года началась добыча газа на Бованенково: сначала был запущен газовый промысел № 2 (ГП-2). В 2014-м был запущен ГП-1, в начале 2017 года в эксплуатацию ввели новые скважины и дожимную компрессорную станцию. В ближайших планах — запуск ГП-3, который намечен на конец этого года.

Бованенковское месторождение уникально по выявленным запасам углеводородного сырья. На момент начала разработки они оценивались в 4,9 трлн куб. м газа, 5,7 млн т нефти, 111,7 млн т газового конденсата.

На ГП-1, порядковый номер которого первый, но который был введен в эксплуатацию вторым, мы и отправляемся. Моим гидом по промыслу стал мастер по подготовке газа **Алексей Дегтярев**.

ГП-1 вызывает внезапную ассоциацию — похожее восхищение человеческим разумом, придумавшим такие технологические конструкции, я испытала в 27-километровом подземном туннеле, в котором

размещен ускоритель Большого адронного коллайдера. Сходство усиливается тем, что мы видим человека в спецовке «Газпром добыча Надым» на велосипеде — в теплое время года это самый удобный способ передвижения по территории газового промысла (именно на велосипедах и самокатах передвигается и персонал адронного коллайдера).

Второе поразительное открытие: практическое отсутствие людей. На мое удивление Алексей отмечает, что Бованенково отличается автоматизацией производства, и ведет меня в сердце УКПГ (установки комплексной подготовки газа) — на пульт, куда сходятся информация по всем скважинам, по всем технологическим ниткам.

— Здесь мы видим все параметры: сколько мы за сутки добыли газа, сколько скважин работает, сколько скважин в резерве, технические характеристики: давление в коллекторах, температура, подача метанола, температура воздуха снаружи — полная картина нашего промысла.

Мой проводник комментирует основные показатели АСУТП (на месторождении много аббревиатур, в которых сначала теряешься, но потом постепенно к ним привыкаешь) — автоматизированной системы управления технологическими процессами: — Сейчас идет проверка пожарной сигнализации. Вот мы 81 млн куб. м добыли за сутки. А справа — текущий расход, сколько добываем сейчас. Есть определенные стандарты температуры выхода газа: мы его осушаем, охлаждаем — он должен обязательно быть минусовой температуры, чтобы не допустить растепления грунта, в котором лежит магистральный газопровод. А дальше — уже система транспортировки газа.

— Это в режиме 24/7, без выходных и праздников?

— Да, конечно, это непрерывный процесс. Каждый час передаем сводку, сколько добыли газа, сколько жидкости, и так далее: один человек занимается сводкой, а другой рулит всей этой технологией. Люди, которые работают «в поле» (так называем цеха), беспрекословно выполняют все указания, которые идут отсюда, с пульта: сделать то, посмотреть это, закрыть тут, перекрыть там.

— То есть здесь голова, а все остальное — это ваши руки-ноги?

— Да, все остальные — наши руки, без них тоже не бывает. На дожимной компрессорной станции (ДКС) — свой пульт, свое оборудование, люди «в поле». Но при этом все единое целое: там что-то сделают, температуру поменяют — у нас тут тоже параметры изменятся и наоборот. Поэтому мы всегда работаем с ДКС в паре.

Мы идем по территории газового промысла. Мой экскурсовод объясняет назначение разных технологических сооружений, рассказывает про геотермические стабилизаторы, которые похожи на экраны с трубами, которые нужны, чтобы основания свай не нагревали грунт. На дороге лежит почти новая рабочая перчатка. Алексей останавливается, поднимает ее и поясняет мне: «У нас существует несколько уровней контроля: если человек идет по территории промысла и видит, что-то не в порядке, что-нибудь валяется, табличка упала, он обязательно должен подойти, исправить. Это первый уровень контроля, со стороны работников. Второй уровень контроля — уже инженерная ответственность. Если инженер в обходе фиксирует определенные неисправности, он записывает это в журнал по охране труда и ставит сроки для исправления. Задание выдается работникам, они выполняют, докладывают, что все сделали, после проверки в журнале ставится отметка. Не бывает такого, чтобы человек прошел мимо: ответственность — это общее дело, все на одном промысле работаем».

И видно, что это действительно так. Не формальный подход, а равнодушие, желание сделать общее дело максимально хорошо — проявления всех этих качеств я потом неоднократно буду наблюдать в компании «Газпром добыча Надым». При этом они совершенно не зависят ни от должности, ни от степени ответственности, ни от характера работы — Север объединяет.

Мы проходим всю технологическую цепочку, особенно меня восхищает установка по охлаждению газа: уж очень эффектно она выглядит. Меня специально предупреждают, что фотографировать внутри технологических помещений запрещено — это связано с системой безопасности.

— **Алексей Вячеславович, расскажите подробнее о своем трудовом пути. Вы упоминали, что живете на Ямале уже 40 лет — как вы сюда попали?**

— В 1982 году родители приехали сюда вместе с нами. У меня уже двое детей здесь родились. Начал карьеру с Медвежки (Медвежье нефтегазоконденсатное месторождение. — *Прим. авт.*) — устроился туда сантехником-слесарем. Проработал года два, потом отучился на оператора и ушел на ГП-8. На Медвежке работал до 2011 года, потом перевелся сюда, на ГП-2, оператором: он тогда только строился. Мы его запускали, вместе изуча-

ли автоматизированную систему управления процессом. Потом начальник предложил стать сменным инженером (сейчас эта должность называется мастер по подготовке).

Сменным инженером поработал года два. Когда родился сын, мне предложили перейти в диспетчерскую службу диспетчером: технологии и людей я знал. Согласился: со старшей дочкой вместе удалось первый раз Новый год встретить, когда ей десять лет было — все время на вахте был. Думаю, младший родился, надо хотя бы с ним побольше времени проводить.

— **Младшему повезло больше?**

— Да, младшему досталось больше внимания. Три года я отработал в диспетчерской службе, потом предложили должность в производственно-техническом отделе. Тоже недолго раздумывал: работа интересная и разная — и производство, и технические вопросы, и общение со сторонними организациями. В планах — переехать на Большую землю, сын подрос, в школу пойдет, дочь школу заканчивает, ей в институт надо поступать, мы будем рядом. Самым удобным вариантом для этого было вернуться на вахту, чтобы по месяцу вахтоваться с «земли» (так на Севере называют центральную часть страны, Большую землю). Так что второй год уже заканчивается, как я вернулся сюда мастером.

— **Каково это работать на газовом месторождении, которое входит в десятку крупнейших в мире?**

— Работать — ответственно. В условиях Крайнего Севера довольно тяжело работать, но есть и гордость за дело, которое ты делаешь, что выдержишь этот темп, эти погодные условия — холод, мороз, ветер дует иногда так, что до промысла еле доезжаешь. А бывает, и не доезжаешь. Когда я работал на ГП-2, однажды замело так, что техника не могла проехать — на расстоянии метра ничего не было видно. И мы три дня не могли с промысла выехать. Сразу видна сплоченность коллек-

тива: люди старались, делились друг с другом запасами — на три дня хватило. Потом погода наладилась, нас сменили. Так что есть огромная гордость и за коллектив — здесь действительно одна большая семья.

И это касается не только ГП-1. Люди сейчас перемешались: кто-то был на ГП-1, сейчас ГП-3 запускается, некоторые ушли на контроль строительства, строительно-монтажные, пусконаладочные работы. Если надо какой-то вопрос решить, или что-то найти, или получить совет по работе — ты можешь на любой промысел позвонить: ребята, вы это делали — подскажите, как правильно сделать? Обязательно подскажут и помогут.

— Это специфика места или людей?

— Больше людей, думаю. Те люди, которые согласились здесь работать, они друг на друга похожи, они сплоченные. Да, непростые погодные условия, да, месяц вахты — это тяжело физически, но они не испугались, поэтому и сработались. Карьерный рост хороший: если у человека есть тяга не только к физической, но и к умственной

работе, — анализировать обстановку, что-то придумать, предложить какую-то рационализаторскую идею — он практически всего добьется.

— Как вы представляете свою жизнь через 10–20 лет, чего бы хотели?

— Для меня главное, чтобы лет через 10–20, когда дети подрастут, они получили образование, устроились на хорошую работу. На первом месте — всегда семья. На втором, если человек действительно хороший специалист, для него должна быть работа. Дети — главное, а работы нам тут еще надолго хватит.

Завершение экскурсии по газовому промыслу заглядываем к начальнику ГП-1 Бованенковского НГКМ Ямальского газопромыслового управления **Дмитрию Цареву**, который угощает нас чаем, позволяя перевести дух.

Мы обсуждаем с ним преимущества вахтового метода работы: он признается, что ему такой подход по душе: пять месяцев в году — работа, семь месяцев посвящены дому и семье — не надо смешивать сферы деятельности и отвлекаться, поэтому удастся достигать предельной концентрации на чем-нибудь одном.

Интересуюсь, каков средний возраст работающих на промысле. Ответ неожиданный: «Средний возраст на промысле — до 30 лет, инженеры постарше — до 40. Что примечательно, автоматизированные системы управления имеют своеобразный побочный эффект: молодежь сама чувствует необходимость образования, и часто после магистратуры и практики молодые люди идут учиться дальше».

После ГП-1 мы возвращаемся в ВЖК.

В столовой, да и вообще в общественных зонах комплекса, много комнатных цветов — целые зеленые уголки. Летом они создают уют, а зимой должны служить отрадой для глаз. Мы заходим в спортзал, где стоят тренажеры: мужчины предпочитают силовые, девушки крутят педали на велотренажерах. Из бильярдной слышен стук шаров: двое игроков увлечены партией — стараюсь не мешать.

Наш следующий пункт — медсанчасть. Мне показывают солярий и массажный кабинет, джакузи и сауны. Мое внимание привлекает спелеокомплекс, который напоминает соляную пещеру из сказки. Вся комната выложена специальными соляными кристаллами бежево-розового цвета с неровной поверхностью. Высокий уровень ионизации и стабильные температурные условия оказывают благотворное влияние на здоровье человека. Доказано: чистый сухой воздух, воссоздающий пещерный, лишен патогенной микрофлоры, в нем нет аллергенов. Отрицательные ионы обладают бактерицидным эффектом — возрастает способность к концентрации, улучшается восприятие. Такой микроклимат благотворно влияет на функции органов дыхания, нервную, сердечно-сосудистую, иммунную системы.

К тому же это просто красиво: в спелеокомплексе Бованенковского ВЖК есть даже камин с каминной полкой: представляю, как расслабляюще сидеть или полулежать в такой комнате. Усилием воли выныриваю из медитативного состояния: нас ждет заместитель главврача комплекса промышленной медицины Бованенковского НГКМ, врач-терапевт **Лариса Овчинникова**.

— **Лариса Алексеевна, какова специфика вашей работы, с какими сложностями вы сталкиваетесь?**

— Специфика заключается в первую очередь в том, что мы находимся вдали от больших населенных пунктов, в которых есть объекты жизнеобеспечения, вдали от дома. Особые климатические условия, полярный день летом, полярная ночь зимой. Накладывает отпечаток и сам принцип вахтового метода — месяц работы — месяц отдыха, работа без выходных, по графику. К тому же работа в замкнутом пространстве.

— **С какими жалобами к вам чаще всего обращаются пациенты?**

— Основное наше назначение — профилактическая работа. Что касается вахтовиков — это контроль состояния здоровья во время вахты, проведение медосмотров, предрейсовых, послерейсовых, предвахтовых, послевахтовых, предсменных. Конечно, есть еще и лечебная работа — оказание первичной медицинской помощи здесь, на месторождении (не всегда есть возможность вывезти больного), обращаются с заболеваниями.

Мы оказываем, в том числе экстренную, помощь круглосуточно, первичную помощь, специализированную с учетом тех специалистов, которые у нас имеются, а потом попутным бортом пациенты отправляются домой на долечивание или эвакуируем в лечебные учреждения — в Салехард, Яр-Сале.

— **То есть это вы можете провести экстренную операцию?**

— Да, мы к этому готовы: есть операционная, хирургия, врач-анестезиолог, соответствующая аппаратура. Конечно, у нас небольшое учреждение, но в экстренных случаях всегда поможем. Бывали случаи, когда из-за погодных условий не мог вылететь транспорт санавиации, забрать пациентов, поэтому мы оказывали помощь самостоятельно. К тому же существуют медицинские показания, при которых нельзя тянуть с оперативным вмешательством.

— **Слышала, что местным врачам довелось принимать роды?**

— Это было в 2013 году: летел борт, вез роженицу из тундры в Салехард, из-за погодных условий они были вынуждены приземлиться у нас — доктора приняли роды. Было проведено кесарево сечение, родился здоровый мальчик. Его назвали Вадимом, в честь Вадима Бованенко. И на следующий день мама и ребенок были эвакуированы бортом санитарной авиации.

— **У вас большой штат медицинского персонала?**

— С 2007 года была открыта врачебная амбулатория Бованенково, а с декабря 2017 года — комплекс промышленной медицины. У нас идет расширение штата, до этого он составлял 39 человек. Оказание помощи должно быть своевременным — у нас налажены связи и с санитарной авиацией, и с Салехардской окружной больницей.

О тех больных, которых мы направляли, слышим хорошие отзывы от докторов, что мы правильно поставили диагноз, вовремя провели необходимые мероприятия.

— **Как вы боретесь с отсутствием солнца зимой, плохим настроением, ведь все это влияет на работу?**

— Во-первых, у нас работают люди, проверенные вахтовым методом: они сами мобилизуются на период работы. Тут у нас библиотека есть, кто-то ходит в спортзал, занимается на тренажерах. Во-вторых, помогает общение с родственниками по телефону. Применяем спелеотерапию, есть солярий, массажные кресла. Конечно, вахта — это психологическая нагрузка, тем не менее стараемся поддерживать ровное настроение.

— **Предельная концентрация всегда, перепадов не бывает?**

— Перепады настроения бывают у всех. Начало вахты — как правило, адаптационный период. Кто-то приезжает из отпуска, подчас из другого климата. К концу вахты, наверное, у любого человека наступает усталость. Для этого существует месяц отдыха, который позволяет восстановить силы, душевное равновесие.

В завершение длинного и насыщенного впечатлениями дня выхожу на улицу: тишина, низкое полярное солнце, которое и не собирается уходить за горизонт, и звенящие комары, которые возвращают к действительности, заставляя быстро ретироваться обратно в гостиницу, за спасительные антимоскитные сетки на окнах.

Главное сожаление о поездке — мне не удалось увидеть оленей: немного раньше они ушли на север, в сторону Карского моря. Стало слишком жарко: спасаясь от мошки, олени смещаются ближе к морю — там мошки меньше, ее сдувает. На следующий день на Бованенково пасмурно, идет мелкий дождь, но тундра все равно поразительно красива: небо как будто приглашает — попробуй, дотянись. Оно и правда очень низкое, с облаками разных форм сизо-серых оттенков. До свидания, Бованенково!

Медвежье: уникальный долгожитель

Медвежье НГКМ — первое месторождение, которое было введено в эксплуатацию в Западной Сибири. Его площадь — более 2 тыс. кв. км, причем северная часть заходит за Полярный круг. Начальные запасы — 2,2 трлн куб. м газа. В 1969 году месторождение было передано геологами под освоение, в марте 1972 года началась добыча. В 2007 году «Газпром добыча Надым» приступил к реконструкции Медвежьего НГКМ, чтобы максимально отсрочить завершение разработки этого старейшего месторождения Западной Сибири. На данный момент срок эксплуатации Медвежьего рассчитан до 2030 года.

1 декабря 2011 года официально запущена в эксплуатацию УКПГ-Н. Это первая УКПГ Медвежьего, рассчитанная на подготовку газа и газового конденсата методом низкотемпературной сепарации. Максимальная производительность составляет 2,7 млрд куб. м в год по сырому газу и до 60 тыс. т в год — по газовому конденсату. Все технологические процессы максимально автоматизированы по принципу «малолюдных технологий»: на площадке располагается лишь операторная.

На Медвежье мы выехали рано утром из Надыма в сторону Пангод. Добираться — правда, по земле, а не самолетом — три часа. Ландшафт разительно отличается от тундры на Бованенковском НГКМ — это лесотундра, причем достаточно холмистая, болотистая, лесистая. Проезжаем КПП с шлагбаумом и... после этого едем еще 90 км. Как потом выяснится, месторождение вытянуто в длину, но именно когда едешь почти 100 км мимо поворотов с указателями на скважины, начинаешь осознавать масштабы месторождения и иначе воспринимаешь слово «труднодоступный». Всего на Медвежьем было построено девять газовых промыслов и УКПГ-Н.

Нас встречает заместитель начальника ГП-9 Медвежинского ГПУ **Сергей Васильев**, который рассказывает об уникальности месторождения и людей, которые здесь работают.

— **Сергей Николаевич, в чем уникальность Медвежьего?**

— Месторождение Медвежье — это первое месторождение-гигант, которое начало разрабатывать-

ся в нашей стране. Отсюда пошли потом бригады на Уренгой, на Ямбург, то есть началом газовой промышленности на севере Западной Сибири послужило именно Медвежье. Здесь было построено девять промыслов.

Сейчас мы находимся на стадии снижающейся добычи — и пластовое давление, и расходы по естественным причинам уменьшаются в связи с выработкой запасов. Поэтому газовые промыслы № 2, 5 и 7 выведены из эксплуатации и полностью ликвидированы, а фонд газовых скважин передан на другие промыслы. С точки зрения расчетов это все обоснованно и целесообразно. Но мы вносим свой посильный вклад в дело экономической и энергетической безопасности нашей страны — те нормы по добыче газа, которые перед нами ставятся, мы выполняем.

— **А сколько скважин всего?**

— За все месторождение не скажу. У нас на «девятке» эксплуатируется 72 скважины, разработанный фонд — более 120 скважин. Раньше бурились одиночные скважины, сейчас газовые скважины стараются бурить кустами — по несколько скважин на одной площадке. «Девятка» как раз выделяется тем, что она была запущена

на самой последней из газовых промыслов месторождения, поэтому на ней применялся кустовой метод бурения газовых скважин.

— **На Бованенково часто люди говорили: «О, Медвежье! Вы туда поедете? Я там начинал!» Вы кузница кадров?**

— Абсолютно правильно. С Медвежьего начинали работать все: выходцев отсюда можно встретить и в Уренгое, и на Ямбурге, не говоря уж про Бованенково, Ямсовей — там очень много наших коллег, выходцев с Медвежьего. Тут приобретается богатый опыт, который позволяет и на других месторождениях решать поставленные задачи.

— **Кадровый голод не ощущаете?**

— Может быть, по каким-то отдельным позициям, но на данный момент штат ГП-9 практически полностью укомплектован.

— **А какие сложности в работе?**

— Основные сложности связаны со снижающейся добычей: низкое давление, с которым газ идет из-под земли. Месторождение вырабатывает свой ресурс, срок.

— **А отличия от Бованенково, какие ландшафтные особенности? Бованенково — ровная тундра, там свои особенности, а здесь лес, вода, болота.**

— Конечно, есть нюансы в плане доступности: сложно доехать до какой-то скважины в период таяния, когда

произошел разлив большого ручья или реки, — образуются естественные преграды. Здесь холмистая местность, УКПГ находится на возвышенности и продувается всеми ветрами, поэтому зимой все заметается, заснеживается. Сложности естественные.

— **Сколько времени вы на Медвежьем работаете?**

— Всего в «Газпроме» я работаю с 2006 года — в этом году 12 лет. А на Медвежьем с 2009 года — 9 лет. До этого я работал в «Газпром трансгаз Югорск», потом перешел в «Газпром добыча Надым».

— **Почему именно «Газпром»?**

— У меня отец работал в «Газпроме», поэтому все логично. Я начинал карьеру в Свердловской области, на газоперекачивающей станции, потом перебрался сюда.

— **Очень распространенная история, что газовики становятся как бы по наследству. Это так?**

— Мой папа работал в газовой отрасли, у нас были свои спортивные лагеря, мы, дети газовиков, в них выезжали — это был своеобразный клан, знакомый с детства, потом мы ходили в стройотряды. Когда пришел черед выбирать, куда пойти учиться, сомнений практически не было. Семья тоже одобрила: мол, иди, это финансовая стабильность. Я поступал в 2001 году, ситуация в стране была плачевная — надо было найти такое место, где будет заработок, перспективы, своя ниша. Поэтому пошел в этом направлении.

— **Как вы охарактеризуете коллектив?**

— У нас самый большой промысел на Медвежке, работают 135 человек. Все открытые, общительные, коллектив становится нашей второй семьей: мы работаем вахтовым методом — в течение двух недель постоянно видим друг друга. Если человек конфликтный, он тут не задержится: условия труда выдавливают вздорных людей. Мы все делимся опытом, стараемся прислушиваться к ветеранам, которые имеют свои взгляды на повседневные задачи.

— **Вы довольны уровнем образования и квалификации молодежи, которая приходит?**

— Как и везде, все зависит от людей. Если у человека есть голова на плечах, он в любой сфере, в какую бы ни пришел, будет иметь успех.

— **Не жалеете, что связали жизнь с этой отраслью, не допускаете другого варианта?**

— Мыслей таких не возникает. Не представляю, где бы еще я мог реализовываться. Постоянно возникают ситуации, которые нужно обдумывать, принимать какие-то решения. Сидеть в кабинете — не по мне.

Пообедав в столовой (что на Бованенково, что на Медвежьем кормят, на мой субъективный взгляд, вкусно и сытно: всегда есть выбор из нескольких салатов, вторых блюд и т. д., по московским меркам стоимость более чем доступная), идем на газовый промысел. Видим уже знакомый по Бованенково пульт управления, и тут слышу от Сергея Николаевича неожиданное:

— На ГП-9 и УКПГ-Н внедряем философию кайдзен, которая направлена на избавление от всего лишнего, наведение порядка на рабочих местах, поддержание во всех людях стремления к совершенствованию. Посмотрите: на столах для каждого прибора, журнала, телефона есть свое подписанное место. Везде порядок, ничего лишнего нет.

— **И как, помогает японская философия? — любопытствую я.**

— Бесспорно. Вот Денису, — Сергей Николаевич показывает на мастера за пультом, — не надо думать, где у него лежит такой-то журнал: он подходит и берет его с нужного места. Конкретно прописано, какие документы находятся в этом шкафу, не надо перебирать огромную кучу ненужных бумаг. Телефоны, ноутбук — всему свое место. Бывает, в течение рабочего дня что-то сдвигается и перекладывается, но в конце рабочего дня наводится порядок.

А я думаю о том, что кайдзен — это не только когда вещи на своих местах, но и когда люди на своих местах. И вот эта спокойная уверенность, что вместе можно справиться с любыми трудностями, она восхищает и подкупает.

Знакомимся с мастером газового промысла **Владимиром Войтовичем**.

— **Владимир Сергеевич, в чем заключается ваша работа?**

— Я возглавляю службу энергетики — занимаюсь обеспечением энергией, водой и отводом стоков на газовом промысле. Основная цель нашей службы — поддерживать работоспособность энергетического оборудования, выполнять текущие ремонты. Как день проходит: утром идет планерка, приходит персонал, в моем подчинении находятся электрики, сантехники, операторы котельной, аппаратчик химводоочистки. Я раздаю задания по электрике на день: например, сегодня занимаемся ревизией освещения на мачте, готовимся к зиме, сантехники устраняют различные неисправности. Люди расходятся по рабочим местам, я контролирую рабочий процесс и работаю с документами.

— **Полярная ночь сложнее, чем полярный день, с точки зрения энергетики?**

— Конечно, и полярная ночь, и зима сложнее, очень низкие температуры — надо в зиму приходить готовыми, чтоб не разморозить систему отопления и водоснабжения...

— **А такое бывало хоть раз?**

— Нет, глобально не было, местами иногда замерзает канализация — мы с этим боремся, придумываем различные мероприятия, внедряем их летом, чтобы зимой работать безаварийно, спокойно. И сама по себе полярная ночь, конечно, по электроэнергетике сложная: ве-

тра, мороз — надо подготовить линии электропередачи, кабели — много всего.

— **Что вас радует больше всего в вашей работе?**

— Наверное, люди. Я мастер, и в моем подчинении именно этот персонал, но всегда считал и до сих пор считаю, что наша служба — лучшая, мы к этому стремимся. Тут работают замечательные люди, настоящие профессионалы, которые понимают буквально с полуслова. Старожилы промысла активно делятся своими знаниями, всегда подскажут, опираясь на свой большой опыт работы в газовой промышленности, — это очень выручает.

— **Вы давно работаете мастером? Начинали явно не с мастера?**

— Начинал я электриком, но не в газовой промышленности. Потом в моей карьере был промежуток, когда я работал старшим преподавателем Уральского федерального университета.

— **Ничего себе, преподавательская деятельность?**

— Да. А мастером работаю уже два с половиной года.

— **А у вас есть какие-нибудь коллективные, объединяющие мероприятия?**

— Например, вместе отмечаем День газовика, 23 февраля, 8 Марта. Как правило, на межвахтовом отдыхе, в Надыме. Очень хорошо знаю, что многие, кто работает здесь вместе, дружат и в Надыме, Пангодах, собираются, выезжают на рыбалку, на охоту. То есть часто не просто коллеги, но и друзья по жизни. И по «девятке» бывают периодически выезды совместные — собирается компания с промысла кататься на лыжах на Шерегеш. Такие сближающие коллектив мероприятия, безусловно, существуют. Но, повторяюсь, в период межвахтового отдыха — здесь на это времени нет.

— **А вы как отдыхаете от работы на вахте, что помогает переключаться?**

— Последние лет десять увлекаюсь скалолазанием — выступаю в любительских соревнованиях. До этого ту-

ризмом занимался, я мастер спорта по туризму, разрядник по скалолазанию — мне это близко: горы, природа. На скалы приходится выезжать — здесь везде равнина. И еще сноуборд.

— **А куда ездите?**

— Ближайшие горы — Уральский хребет.

Когда интересуюсь, можно ли пообщаться со старожилом, меня представляют оператору **Татьяне Николаевне Дидик**.

— **Как долго вы работаете здесь?**

— С 1993 года — 25 лет.

— **Это же четверть века! Поздравляю! А есть ли отличия в работе в 1993 году и в 2018-м?**

— Конечно. Сейчас все оборудование обновленное, автоматизированное, компьютеризированное — раньше все писали от руки.

— **Вы 25 лет работаете на одном месте, ни разу не возникало желания что-то другое попробовать?**

— Я не такой человек, который меняет одно на другое. Тут я все знаю хорошо, мне нравится моя работа.

— **Что вы делаете в свободное время?**

— Хожу на аквааэробику, у меня взрослый сын, и своя личная жизнь, и заготовки, и походы в кино, и встречи с друзьями, путешествия.

— **Привыкли ли вы к вахтовому методу?**

— У меня есть подружка: пять дней работает, два дня выходных. И за эти два дня надо убираться, постирать, приготовить. Мне кажется, я так уже не смогу — привыкла, что две недели отработала — две недели могу и поспать подольше, и лечь попозже, уехать куда-нибудь отдохнуть.

— **Как вы будете отмечать юбилей — на работе?**

— Эту дату буду отмечать в отпуске — уезжаю к маме, там одновременно и встречу, и юбилей отметим. Раз в год хотя бы на две недели улетаю к маме — она уже в возрасте и живет одна. Остальное время езжу путешествовать по миру с сыном.

Нас ждет обратный путь в Надым: если Бованенково оглушило впечатлениями и технологическими особенностями, Медвежье оставило очень теплое ощущение, как будто ты общался со старыми и дружелюбными знакомыми.

За всеми достижениями, цифрами и рекордами стоят живые люди, которые работают в суровых условиях. Объединение в профсоюз — наиболее естественный путь, чтобы эффективно работать. О коллективе, его радостях и трудностях мы говорим с председателем первичной профсоюзной организации «Газпром добыча Надым профсоюз» **Дмитрием Небесным**.

— **Дмитрий Иванович, чем живет сейчас ваша профсоюзная организация?**

— Профсоюзная организация живет людьми, если говорить общими словами. У нас налажен хороший диалог с работодателем, многое решаем именно в обсуждении, на регулярных встречах. Мы в курсе производственных задач, трудовых процессов, делимся внутренними человеческими проблемами, которые есть в коллективе.

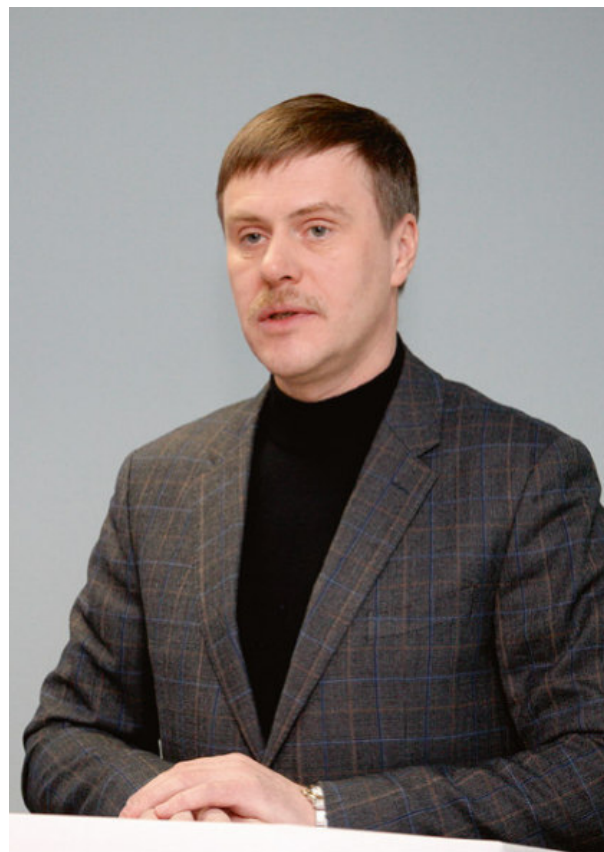
Сегодня профсоюзная организация — это возможность коллектива и персонально каждого работника решить в первую очередь свою трудовую проблему. Второе — организовать на наших северных территориях досуг.

— **Северные особенности повышают процент профсоюзного членства, обуславливая большую сплоченность?**

— Я сам вырос на Севере, мне кажется, это в менталитете людей — стремление к общению, к объединению, настроенность на диалог, на результат. Коллективное взаимодействие в формате «работодатель — профсоюзная организация» — одна из наиболее логичных, исторически подтвержденных форм, доступных обычному работнику.

— **Вы родились и работаете на Севере, чем отличается северный характер от других?**

— Именно суровые условия дают определенную закалку — откры-

тость, доброжелательность, стремление к взаимопомощи. Люди не пытаются разделить жизнь на дом, на трудовые процессы, а живут единым коллективом, в котором есть некая общность, взаимовыручка, хлебосольность, желание в каждом увидеть товарища.

— **А одиночки у вас выживают? Бывают же интроверты, которые не любят командный дух, общность, даже в работе?**

— Нельзя всех гнать под одну гребенку, чтобы все были одинаковыми активистами. Конечно, люди разные: есть те, которые рвутся в коллектив, есть те, кто более-менее обособленно существует в трудовом процессе, но каждый находит себя. Ужиться в коллективе — это очень важно. Если взять ГП, вы же были на Медвежьем: обособленная территория, люди по две недели живут вместе, одиночке там будет тяжело. Все равно ты вынужден общаться с людьми.

— **Как предотвратить сбой в отлаженном рабочем механизме?**

— Старый способ предотвратить негатив — совместные мероприятия. В каждом управлении проводятся спортивные мероприятия, творческие конкурсы. Все это положительно влияет на трудовые процессы, дает разрядку в отношениях на работе, позволяет наладить более крепкие трудовые связи.

— **Какое самое яркое спортивное мероприятие за последнее время в вашем коллективе?**

— «Гонка на пределе», которое провело у себя Медвежинское газопромысловое управление. 10 км препятствий, в команде по четыре человека: так приятно было видеть, как участники помогают друг другу. Это и преодоление себя, и работа в коллективе: многие препятствия были рассчитаны именно на командную работу, и азарт. Когда люди приходят к финишу довольные, счастливые — это очень заряжает, даже если ты только зритель.

А еще в июне в Надымском нефтегазодобывающем управлении проводился сплав, еще с прошлого года к нему готовились: определяли, какие рафты будут по вместительности, по конструкции. В этом году Надымскому газодобывающему управлению исполняется 25 лет, участники приурочили свой сплав к этой дате, хотят продолжить эту традицию и в будущем.

— **Вы недавно продлили коллективный договор. Есть ли в нем новые пункты?**

— Коллективный договор — это некие обязательства. У нас он действует практически с основания предприятия в разных видах, как коллективный договор — с 1989 года. Сейчас те пункты, которые прописаны в коллективном договоре, актуальны для коллектива. Если нас какой-то пункт не устраивает — стал менее востре-

бованным, или мы видим, что больше внимания нужно уделить другим категориям людей, то мы это обсуждаем и на комиссии добавляем. Коллективный договор — это действующий живой инструмент, который постоянно дополняется.

— **Есть ли некая доска почета членов профсоюзной организации? Или человек не сам по себе достигает успехов, а именно в коллективе? Для меня то же Бованенково — это общий большой героизм.**

— Вы правы: есть некая обложка, а есть повседневная жизнь. Бованенково мы недавно осваиваем, в 2012 году был запущен ГП-2, в строительстве участвовал практически весь коллектив «Газпром добыча Надым». Привлекались работники и из Медвежинского газопромышленного управления, и из Надымского нефтегазодобывающего управления, все остальные филиалы тоже активно участвовали. Именно коллективная работа позволила выполнить те планы, которые перед нами стояли. Самоотверженный труд каждого в коллективе привел к такому результату.

— **У вас нет насущной необходимости привлекать в профсоюз новых членов, потому что членство и так достаточно большое?**

— Мы не самоуспокоились. Если округлять, у нас 99% членства, тем не менее это одна из важных задач: мы понимаем, когда коллектив выступает с единым мнением, вес этого слова другой. Соответственно, снять проблему намного проще, когда идет взаимодействие между работодателем и коллективом. У всех тех, кто не в профсоюзе, чаще всего какие-то банальные личные обиды, взгляды на жизнь — мол, я и сам могу. Но исходя из опыта разрешения тех ситуаций, которые возникали, в конце концов все приходят в профсоюз.

— **Какие еще задачи стоят перед вашей профсоюзной организацией? Глобальные или тактические?**

— Один из промежуточных итогов — продление коллективного договора, это наша работа, которую мы проводили, и получили результат. Сейчас будем вносить какие-то мелкие правки.

Что касается глобальных изменений, то в 2019 году, вероятно, их будет много, учитывая новшества, которые планирует правительство: и по поводу НДС, и по пенсионным вопросам. Поэтому на всех уровнях, в том числе и через Нефтегазстройпрофсоюз России, будем способствовать тому, чтобы приносить пользу коллективу. А повседневная работа — защита трудовых прав в коллективе, решение проблем работников, проведение того плана мероприятий, которые мы для себя наметили.

— **Обычная работа — повседневная и нужная.**

— Это хорошо, если она повседневная, рутинная, не хотелось бы чего-то экстраординарного.

Надым: начало большого пути

Рабочий поселок Надым получил статус города окружного подчинения в 1972 году. Город Надым — компактный, маленький: его вполне реально обойти пешком за несколько часов. Практически нет частного сектора, все дома многоэтажные. Проект города разрабатывал Ленинградский проектный институт — тут все было продумано для людей. В центре города — парк, закрытые дворы, детские сады и школы внутри микрорайонов, чтобы не продувались ветром, большое количество магазинов. Сейчас почти достроен новый микрорайон на берегу озера Янтарного — Олимпийский.

В городе есть бульвар, названный в честь Владислава Владимировича Стрижова — первого генерального директора «Надымгазпрома», на бульваре ему установлен бюст. Неподалеку от Свято-Никольского храма есть памятник Валерию Владимировичу Ремизову, который прошел путь от слесаря Надымского газопромыслового управления до одного из руководителей «Газпрома». В Надыме отдают дань памяти и уважения людям, которые так много сделали для отрасли.

Когда идешь по городу, невольно ловишь себя на мысли, что он уютный. Тут дети, подростки играют в баскетбол, там молодые мамы прогуливаются с коля-

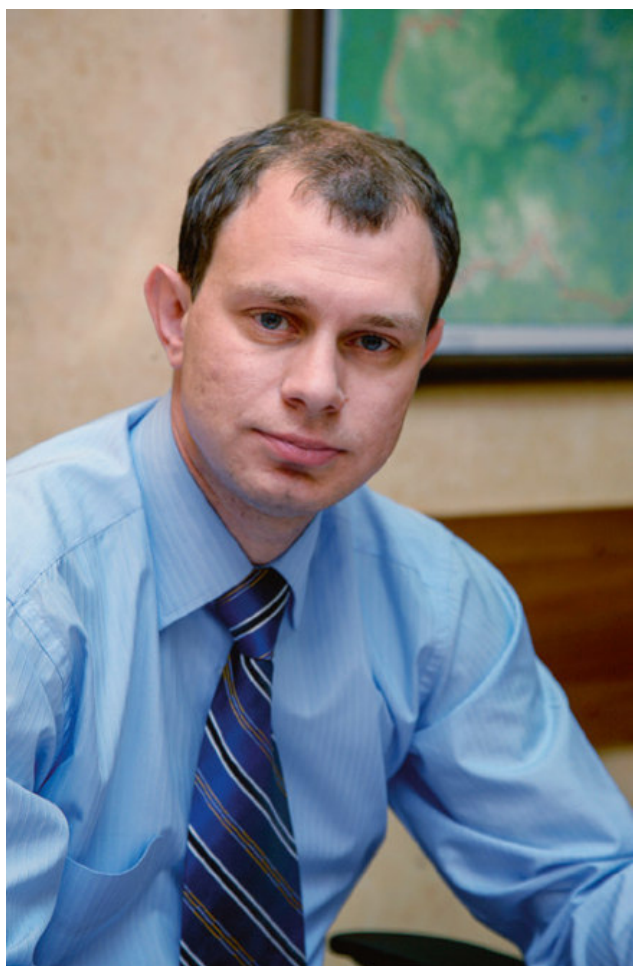
сками. В парке наткнулась на белку, которая безбоязненно грызла шишку, не реагируя на объектив фотоаппарата. Обычная размеренная жизнь, без хаоса и суеты.

На улице жара — +31 °С. Мне и в этом повезло — застать самое жаркое и очень короткое время в году. В Надыме поразило обилие песка и хвойных деревьев: порой возникало обманчивое ощущение, что это дюны и где-то рядом море. Второе впечатление — количество насекомых. Вечером имела неосторожность пойти на берег Янтарного полюбоваться закатом. Это было опрометчиво: мошка и комары впиваются в любой открытый необработанный репеллентами участок тела, включая кожу головы.

С этого насущного вопроса мы и начали беседу с заместителем генерального директора по управлению персоналом «Газпром добыча Надым» **Юрием Краплиным.**

— **Юрий Сергеевич, как вы справляетесь с насекомыми? Впервые сталкиваюсь с таким их количеством!**

— Я читал, что в свое время, когда эти территории начинали осваивать, заключенные, которые здесь работали на 501-й стройке, мазались дегтем — до глаз. Сейчас химия шагнула вперед, есть репелленты. Брызгаемся,

мажемся, для выхода в лес — только москитные сетки и перчатки. Горожане ходят, обмахиваются веточками, на окнах стоят москитные сетки. Это раньше марлю вешали, да и весь город был — вагончики. Радует то, что все-таки очень короткий период: мошка где-то в июне начинается, а к середине августа ее гораздо меньше.

— **+31 °C — суровое полярное лето.**

— Суровое! Восемь лет в Надыме живу: кстати, прошлой зимой был рекорд — температура была — 56 °C. А так — 40 °C для нас, причем стабильно в течение месяца, двух — норма.

— **К чему еще пришлось привыкать на Севере?**

— Я родился на севере Дальнего Востока, под Магаданом, провел там все детство, так что, можно сказать, вернулся на Север: люблю зимой снег, мороз. У нас северный климат, сжаты переходные периоды: очень короткая весна и очень короткая осень, которые могут длиться неделю-две. А в конце сентября выпадает снег и лежит до конца апреля — хороший, чистый, белый. Только в конце апреля–начале мая начинают идти дожди и оттаивать земля. У нас песок — грязи нет, очень чисто.

Нарушение светового цикла — один из вредных факторов, который на Севере влияет на организм человека гораздо больше, чем температура. Поэтому плотные шторы — необходимый атрибут для того, чтобы спокойно жить. Обратите внимание — небо низкое: у нас меньше атмосфера — всего 6 км (в среднем, на земле 10 км), озоновый слой меньше. Перепады давления в силу воздействия Северного Ледовитого океана, магнитное поле Земли, нарушение биоритмов — все эти факторы влияют на организм человека. Так что доплаты за вредность — они не просто так.

— **Есть ли программы по поддержанию здоровья работников?**

— Конечно, основная задача — профилактика, снижение воздействия вредных природных факторов на организм человека. Для этого применяется и световая коррекция, и соляные пещеры, и физиотерапевтические процедуры, водяные, кислородные. У нас действует трех-этапная модель реабилитации здоровья работников.

Первый этап — амбулатория и врачебные пункты на месторождении, которые позволяют во время рабочей вахты человеку поддерживать здоровье.

Второй этап — профилактика в двух межвахтовых пунктах медицинского обслуживания: у нас люди живут в основном в Надыме и Пангодах. В них проходят двух-недельные курсы, которые позволяют людям получить усиленную реабилитацию в межвахтовый период под наблюдением врача. Медицинские осмотры у нас тоже проходят через эти пункты.

Третий этап — реабилитационно-восстановительное лечение в санаторно-курортных объектах России и за рубежом. За рубежом — по специальным медпоказаниям, если нет аналогов у нас в стране, а в основном это Россия — санатории Группы «Газпром»: и Центральная полоса, и Черноморское побережье России, и Карелия, и Алтай.

— **Много ли специалистов, которые прилетают работать «с земли»?**

— У нас внутрирегиональная вахта, из 4600 вахтовиков — всего 550 межрегионалов. Если мы официально берем человека с межрегиональной вахты — в основном это специалисты, дефицитные на местном рынке труда, мы оплачиваем ему проезд — у нас свои charterные самолеты. Из Москвы, Тюмени, Уфы мы доставляем людей на Бованенково и Харасавэй.

— **Какие специалисты самые дефицитные?**

— Специалисты рабочих специальностей — это общероссийская тенденция: профессиональные училища выпускают меньше тех же токарей, фрезеровщиков, операторов станков — распространенные специальности, но без них никак. Сварщики хорошие — дефицитная профессия. У нас, кстати, работает лучший сварщик «Газпрома» Сергей Силантьев, который победил на мировом конкурсе в Шанхае, — наша гордость. Зачастую не хватает и машинистов технологических компрессоров, и операторов по добыче.

Если же говорить в целом о формировании кадрового потенциала, то сотрудничество с образовательными организациями имеет многолетние традиции. «Газпром» — высокотехнологичная компания. Соответственно и молодежь нам нужна качественно подготовленная. У «Газпрома» 16 вузов-партнеров, в частности, это РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Тюменский индустриальный университет, МГТУ им. Н.Э. Баумана, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Томский политехнический университет.

Ежегодно мы организуем практику для студентов. Это не только возможность познакомиться с производственными объектами, где им, возможно, придется работать в будущем. Это еще и приобщение к корпоративной культуре «Газпрома», взгляд на профессию «изнутри».

С наиболее талантливыми и способными студентами мы заключаем договоры о целевом обучении. Еще есть программа «Успешный старт», когда выпускники на конкурсной основе трудоустраиваются в «Газпром добыча Надым», «Газпром добыча Ямбург», «Газпром добыча Уренгой».

— **Разрыв между тем, что вы ждете, и тем, какие выпускники приходят из вузов, все равно существует?**

— Существует. Понятно, что выпускники приходят без опыта, высшее образование во многом носит академический характер, выпускникам не хватает практических навыков и умений. В связи с этим наша задача — сократить срок адаптации молодых специалистов на предприятии. В этом помогают практики: мы с удовольствием берем тех, кто у нас уже проходил практику. Второй момент — программы

стажировки, наставничества, которые мы делаем для молодых специалистов, в том числе на смежных направлениях, участие в конференции молодых специалистов.

Подавляющее большинство молодых специалистов технической направленности принимаем на рабочие профессии. Если выпускник — «оператор разработки нефтяных и газовых месторождений», как написано в дипломе, — идет оператором по добыче, если специальность «проектирование сооружений и эксплуатация нефтегазопровода» — сначала работает машинистом технологических компрессоров. В среднем через два-три года люди становятся хорошими инженерно-техническими работниками, которые достойны занять должность мастера, потом замначальника цеха, начальника цеха и так далее. Но начинают все с рабочих должностей.

Надо отдать должное: молодежь интересная, со здоровыми амбициями, раскрепощенная, готова к выступлениям, общению, часто хочет всего и сразу. Тот, кто ничего не хочет, сюда не попадает.

— **Часто бывает: обучение, практика и прочее, а потом человек уходит...**

— У нас текучесть по компании — менее 1% — 0,46%, то есть практически не бывает того, о чем вы говорите.

— **Каким образом строится взаимодействие с муниципальными властями по социальным объектам?**

— Последние детские сады мы передали на баланс города буквально в прошлом году. Возвращали поэтапно, чтобы не было социальной напряженности. Как работник будет работать, если ему не с кем оставить трехлетнего ребенка? Поэтому мы гарантировали всем, кто приходит к нам на работу, что мы устраиваем малышей в детский

сад. Строим новые детские сады. В Пангодах в прошлом году открылся детсад «Мечта». А в Надыме в декабре будет сдан «Газовичок».

И в Пангодах, и в Надыме свои Дома культуры, в хореографических или вокальных студиях занимаются и взрослые, и дети. Мы не ограничиваем их по посещаемости. И ДК, и спортивные комплексы открыты для всех жителей — вне зависимости, работают они в «Газпроме» или нет.

— **ООО «Газпром добыча Надым» получило Гран-при Всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной эффективности» в 2014 и в 2017 годах. Стабильность — признак мастерства?**

— Создание благоприятных условий для жизни, сохранение здоровья людей, забота о детях, подбор кадров, взаимодействие с коренными малочисленными народами Севера, благотворительность — во всех этих номинациях всероссийского конкурса мы завоевываем призовые места и по совокупности получаем Гран-при. Каждый год менять персонал — это очень дорого: надо людям создать условия, чтобы они хотели здесь жить, чтобы их дети хотели сюда возвращаться.

Чем еще отличается Север — мы все здесь живем, работая. Иждивенцев тут нет — люди работают с большой самоотдачей и заслуживают, чтобы для них создавались социальные возможности, развлечения, досуг, чтобы о них заботились. Поэтому все наши программы, действия, цифры, показатели — они объясняются этим. Хорошо, что есть такой конкурс, который позволяет оценивать по достоинству нашу социальную работу. Но мы и без конкурсов все это делаем, и делаем с душой.

— **Вы хотели бы, чтобы ваши дети остались здесь жить?**

— Я за право им самостоятельно определяться. Если они поедут на Север — буду рад этому в душе, нисколько не расстроюсь. Здесь здоровая приятная атмосфера, которая создает все условия и позволяет вырасти профессионалом и человеком с большой буквы.

Подготовила Ирина Танина

